

6-Я КРАТКАЯ ПАМЯТНАЯ ИСТОРИКО-КАНОНИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА
о Константинопольской патриархии в связи
с титулованием ее «Вселенской»

О Константинопольской церкви, в связи со сравнительно поздним – с конца VI века усвоенным ей титулом «вселенской», образовалась обширная литература на многих языках. Однако это не нужно приписывать ее действительному значению в конфедерации равноправных автокефальных Православных Церквей, в конфедерации, которая образует в собственном смысле слова вселенскую, то есть всемирную, всеобщую, универсальную Церковь. Видную роль Константинопольская церковь играла сравнительно короткое время в отдаленном прошлом – в раннем средневековье. Но двусмысленный, и в своей двусмысленности притязательный титул, полученный ею не на основании каких-либо канонов, потому что не существует ни одного канонического акта, усваивающего ей этот титул, давал поводы пользоваться им во многих, иногда крупных междуцерковных и политических интригах, вошедших в историю международных отношений. Отсюда интерес к титулу и к носящей его Церкви. И обширная литература.

Но что такое в действительности Константинопольская церковь, каково ее действительное значение во Вселенской Церкви со стороны формально правовой и по фактическому ее влиянию на ход жизни вселенской церковной общности? Каково ее действительное, отводимое канонами и церковным правосознанием, место в свободном союзе православных автокефалий, иначе говоря, что такое Константинопольская церковь *de jure* в церковно-каноническом сознании и *de facto* в смысле фактического ее веса в междуцерковной жизни и отношениях?

1. О возникновении патриархатов и канонической их структуре

Правовой, то есть канонической, строй церковной жизни подвижен и изменяем, теперь об этом уже не спорят. Вопрос сводится сейчас к тому, чтобы установить, что именно изменяется в нем; если же есть что-нибудь неизменное, то что именно неизменно в церковных канонах? Но даже с точки зрения самых консервативных канонистов нашего времени, несомненно, что в регулирующих устройство и управление Церкви канонах содержится слишком много «временного», чтобы они могли оставаться в веках неизменными. При всем том, в специальной литературе в Православных Церквях сейчас все же решительно отвергается известное «зомовское» (R. Sohm, протестантский теоретик церковного права) мнение, по которому все церковно-правовое устройство возникает и развивается в общем порядке исторического процесса. Канонические постановления, конечно, следуют за историческими формами, подвижными и изменяемыми. И потому сами они также подвижны и изменяемы, но не во всем, и при одном существеннейшем условии: при условии сохранения верности не подлежащему изменениям главному, основному смыслу догматического учения о Церкви. Такова точка зрения, которую можно считать установившейся и общепринятой в православной канонической доктрине наших дней.

Итак, канонические постановления, легализовавшие все существующие формы церковных союзов, возникли и развивались постепенно, в ходе исторического образования и развития самих церковных союзов. И постепенно же образовывались и развивались канонические нормы, определившие правовые полномочия иерархий внутри разных форм церковных союзов: епископов, митрополитов, наконец, патриархов, и правовое положение этих союзов, епископий, митрополий и патриархатов, как и их конфедерации. Вот почему, чтобы лучше представить себе, чем является с точки зрения канонического права, то есть *de jure*, Константинопольская церковь, а вместе с тем, что представляет она собой и *de facto* в интересующем нас смысле, мне кажется нелишним ознакомиться, в самых общих линиях, с процессом возникновения патриархатов вообще и с возникновением и развитием тех канонических норм, которые призваны были канонически легализовать эти формы церковных союзов, первоначально не существовавшие.

Патриархаты представляют собой форму, образовавшуюся путем естественного развития «парикий» или приходов в епископии, а епископий – в митрополии, этих последних – в экзархаты и, наконец, в патриархаты.

Первичной формой церковного союза является парикия или приход, но необходимо отметить: с епископом во главе, по древнему правилу «церкви без епископа не бывает». Миссионерством этих первых приходов образуются филиальные приходы на окрестной территории. Филиалы связаны, однако, подчинением Церкви-Матери. Так, первоначальный приход с епископом во главе плюс один или несколько филиальных приходов, обслуживаемых священниками-визитаторами, образуют первоначальную епископию.

В течение первых трех столетий н. э. на территории Римской империи, вокруг Рима, в латинской Африке и в Азии епископий возникает очень много. В IV веке число их довольно быстро множится, так, что к концу века в одной только латинской Африке на пространстве, не превышавшем наших теперешних семи областей: Калининской, Ярославской, Костромской, Горьковской, Московской, Владимирской и Калужской, имеющих всего 7 епископий (епархий) с 7-ю епископами, тогда находилось не 7, а 454 епископии (см.: *Болотов В. В.* Лекции. Т. III. С. 204). На том пространстве верующих было не более 4-х или 4-х с половиною миллионов, примерно столько, сколько по последним статистическим данным (за 1939 год) насчитывала Болгарская церковь, но на это число верующих Болгарская церковь имеет 10 епископов в 10 епископиях (епархиях). Древние епископии пользовались равными правами и являлись независимыми друг от друга, вполне самостоятельными Церквами, то есть, по позднейшей терминологии, автокефальными.

Правомочность возглавлявших их епископов к IV веку становится, однако, уже неодинаковой. В это время намечается образование новой формы церковных союзов, епископии развиваются в митрополии.

Митрополии возникают тоже естественно, как и предшествовавшие им епископии. Несколько епископий, расположенных на территории одной гражданской провинции, естественно объединяются вокруг главного города провинции и его епископа. Такое объединение и начинает называться митрополией, а старший, то есть проживающий в главном городе гражданской провинции, епископ – митрополитом. Митрополитский округ оказывается непременно параллельным гражданской провинции. Митрополит – наиболее авторитетным епископом. И важно отметить: авторитетность (во время возникновения митрополий) епископов главных городов провинций вовсе не связывалась с каким-нибудь особым, древним, например, от апостолов происхождением их кафедр. Митрополит, то есть епископ главного города провинции, оказывался влиятельнее других епископов провинции по месту своего служения и близости к гражданским властям и к культурному центру области. Если же наиболее значительные политические и культурные центры оказались в то же время и апостольскими кафедрами – *sedes apostolicae* – то это произошло, несомненно, потому, что и сами апостолы в свое время начинали проповедь с политических и культурных центров (Рим, Александрия, Антиохия), которые только потому и сделались церковными центрами, что были центрами политическими.

Римская империя первых веков н. э. делилась на четыре префектуры, тринадцать диоцезов и восемьдесят шесть провинций. Митрополий к середине IV века образовалось, по-видимому, более пятидесяти (по Троицкому – даже до ста), то есть почти каждая провинция образовала из епископий своей территории митрополию. И в это время устанавливается правовая компетенция власти митрополита, приобретающей известные преимущества сравнительно с властью прочих епископов округа. Митрополиты избираются председателями соборов епископов данной митрополитской области. Постепенно они получают право поставлять епископов в своей области, хотя выбираются епископы все же собором области. Начинают образовываться некоторые прерогативы их судебной власти. Митрополия управляется соборно, но первенствующий епископ – митрополит – возглавляет собор епископов провинции и представляет ее. Митрополия представляет собой совершенно самостоятельное образование, ни от кого не зависимое собирательное целое, то есть автокефалию того времени. Прежняя автокефалия епископий уступает место автокефальной митрополии.

Итак, митрополии соответствовали гражданским провинциям. Поскольку церковное устройство развивалось по аналогии с устройством гражданским, вслед за возникновением митрополий нужно было ожидать возникновения новых, больших чем митрополии церковных союзов, которые соответствовали бы гражданским диоцезам, а затем и гражданским префектурам, каковых в IV веке, как упомянуто выше, было в Империи четыре. И действительно, новая высшая форма церковного союза появляется во второй половине IV и в начале V веков. Она получает название архиепископии, но нетвердое: эту же форму церковного союза называют также экзархатом. Архиепископами начинают называть епископов, возглавляющих по сути дела большие митрополии, территориально совпадавшие не с гражданскими провинциями, а с гражданскими диоцезами: римского, константинопольского, александрийского, антиохийского. Некоторых из них в то же время титулуют экзархами, например, епископа Антиохийского (448 год).

Но из этого видно, что из митрополий стали развиваться архиепископии и экзархаты, соответствовавшие и гражданским диоцезам, и гражданским префектурам. И вот, сразу же единицы, соответствовавшие граж-

данским префектурам, приобретают новое название «патриархатов», а название «экзархатов» и «архиепископий» как будто бы задерживается на некоторое время за диоцезальными округами, а затем упраздняется.

Так из округов провинциальных, равных митрополиям, образовались округа диоцезальные, равные архиепископиям и экзархатам, и префектурные, равные патриархатам. Здесь нужно отметить чрезвычайно важное для истории патриархатов обстоятельство. Церковные округа, соответствующие гражданским диоцезам, оказались только промежуточной формой церковных союзов, они не получили никакого развития, но и сами не задерживались, в сущности не образовались: их сразу же поглотила префектурная форма, то есть патриархаты.

Вот почему каноническому праву отлично известны правовые полномочия митрополитов, положение которых в качестве епископов, возглавлявших провинциальные округа, еще в IV веке вполне определилось. Но до сих пор совершенно не выяснено правовое положение архиепископий, эвентуально архиепископов, и экзархатов, эвентуально экзархов.

Спрашивается, какую же власть получили оказавшиеся во главе патриархатов епископы, которых начинают называть патриархами (папами)?

Если митрополит стоял во главе провинциального собора, а архиепископ или экзарх должен был возглавить собор епископов диоцеза, то патриарх, следовательно, должен был стать во главе соборов епископов всей префектуры, состоявшей из нескольких диоцезов и многих провинций. Иначе говоря, патриарху должны были подчиняться епископы, подчиняющиеся митрополиту, и митрополиты префектуры. Получилось иначе. Митрополиты сохранили во всей полноте своей авторитет и все правовые полномочия свои в отношении епископов своих митрополий, и ни в чем права их не потеряли ни малейшего ущерба. Они продолжают председательствовать на соборах митрополичьего округа. Они ставят епископов и судят епископов (в качестве председателей соборов митрополичьих округов). Они наблюдают за общим ходом церковной жизни в митрополии. А патриарх не только не созывает еще никаких соборов, и, следовательно, не председательствует ни на каком соборе, но не имеет еще и никакой распорядительной власти во вновь образующейся форме церковного союза, призванной объединить несколько митрополий еще пока неизвестно в какую именно в правовом отношении единицу. Ни своих митрополитов он еще не ставит, ни судит, тем меньше епископов, подчиненных по-прежнему митрополитам. Единственное право, и то не на основании канонов, а только так называемое «обычайное», оказывается правом патриарха в период образования патриархатов – это право представлять перед гражданской властью от лица большой церковной области и, видимо, принимать жалобы на те или иные действия митрополитов, что позже вылилось в так называемое апелляционное право.

Все это значит, что на первых порах митрополии развиваются, минуя промежуточную форму архиепископий и экзархатов, в патриархаты, которые представляют новую форму автокефального церковного союза, но с сохранением широчайшей автономии каждой, входящей в патриархат, митрополии. За митрополитами сохраняются все права во внутреннем устройстве и управлении митрополий при еще совершенно не установленном правовом положении возглавляющих это новое образование епископов-патриархов, власть которых по объему правовых полномочий оказывается даже значительно меньшей, чем власть митрополитов.

Таким образом, нынешним историкам и канонистам патриархат в первоначальной его форме – от второй половины IV до половины V века – представляется своеобразным агрегатом самостоятельных митрополий, получившимся в результате естественного тяготения митрополий к диоцезальным и сразу же к префектурным центрам, поглотившим диоцезальные. Возглавлявший патриархат епископ крайне ограничен в правах, зато ярко подчеркнуты его преимущества чести – совершенно новое явление! – не дающие ни одного реального правового полномочия.

Нечего и говорить о том, что подобное положение вещей не могло существовать долго. Патриархии должны были добиться канонической легализации своего положения. Патриархи должны были получить права, хотя бы равные правам митрополитов, митрополии которых входят в данный патриархат. Для этого они должны были прежде всего создать вокруг себя какие-то соборы. Они должны были получить какие-то преимущества власти, а не чести, по отношению к своим митрополитам. И на IV Вселенском Соборе (в середине V века) они добиваются легализации некоторых правовых своих полномочий, ставящих их в пределах их патриархатов на иерархически высшую ступень относительно митрополитов, каноническая компетенция которых в границах их митрополий при этом все же остается нетронутой.

IV Вселенский Халкидонский Собор – его постановления, как известно, имеют особо важное значение для Константинопольского патриархата – дает патриарху право председательствовать на собираемом им со-

боре митрополитов патриархата, по решению собора поставлять митрополитов и судить их. Кроме того, сейчас возникают так называемые апелляционные права. В пределах, правда, одного только Константинопольского патриархата, епископы, недовольные судом собора при митрополите, получают право обращаться с апелляционной жалобой «к большему собору» экзархата или патриархата. Так как экзархатов фактически не существовало, а те, которые было появились в Малой Азии, почти тотчас же и исчезли, обладателями апелляционного права оказались на деле патриархи. Позже именно это пресловутое апелляционное право неоднократно давало повод к притязательным стремлениям к расширению власти патриархов даже за пределами их патриархатов.

Так возникали патриархаты, развившись из митрополий и не дав развиваться из них сначала архиепископиям или экзархатам. Так постепенно образовывалась правовая компетенция патриаршеской власти, по существу довольно ограниченной даже и тогда, когда она уже могла считаться образовавшейся, когда процесс ее становления мог считаться уже завершенным. Потому что больше того, что получила власть патриарха на IV Вселенском Соборе в 451 году, Церковь ничего и уже никогда к ней не прибавляла до наших дней.

Эти самые общие замечания относительно исторического происхождения патриархатов и происхождения прав возглавляющих их епископов (патриархов) должны многое объяснить в положении Константинопольского патриарха. Они, наконец, объясняют и многие действия константинопольских патриархов, как не основанные ни на каком праве, совершенно противоканонические. В свете приведенной историко-канонической справки мы сможем, таким образом, правильнее понять и положение Константинопольского патриарха *de jure*, и положение его *de facto* в прошлом и настоящем.

2. Константинопольский патриархат

Он возник и образовался обычным, только что описанным путем, в прямой связи с историей главного своего города. Первоначально Константинопольская церковь представляла собой самую обыкновенную, невидную и никому не известную рядовую епископию с центром в маленьком городке Византии. Она входила в состав Ираклийской митрополии и, следовательно, была подчинена ираклийскому митрополиту. (Ираклия – маленький провинциальный город в Малой Азии). Таково положение Константинопольской церкви – тогда Византийской – до IV века. Возвышением своим она обязана неожиданному превращению города Византия в столицу империи, иначе говоря, превращением в столичную церковь.

В 381 году II Вселенский Собор (3-й канон) предоставляет столичной епископской кафедре высокую честь: отныне ее следует считать занимающей второе место в ряду всех существующих кафедр после Римской кафедры. Но, при этом, тот же II Вселенский Собор оставляет константинопольского епископа в прежней прямой иерархической зависимости от ираклийского митрополита.

Что же это значит? Тут дело в том, что патриархаты как новые высшие самостоятельные церковные союзы только еще образуются. И права возглавлявших их епископов еще не установлены, а правовые полномочия и правовое положение митрополитов существуют уже твердо.

Высшие единицы: архиепископии, экзархаты и патриархаты – только начинают развиваться из митрополий. Правовое будущее их, их архиепископов, экзархов и патриархов еще совсем неясно. Зато ясно, что новая, высшая единица – патриархат – как высшее собирательное целое, должна существовать. Церковное правосознание принимает эту новую форму церковного союза. Поэтому поставляемый церковью во главе его иерарх и получает преимущества чести. Церковь легализует развитие новой формы церковного союза с центром в столице государства. Но и только. Какой властью облечь поставляемого во главе этого союза епископа она еще в сущности не знает.

Создается, конечно, парадоксальное положение. Эта парадоксальность бросается в глаза, особенно в Константинопольской церкви, в церкви столичной. Епископ, которого уже называют архиепископом и патриархом, и кафедра которого, занявшая второе – по решению Вселенского Собора – место по чести в ряду всех существующих епископских кафедр, не только не председательствует на таком епископском соборе, не только не управляет никаким церковным округом, хотя бы равным по территории митрополичьему округу, но он по сути дела обязан в качестве самого обыкновенного, рядового епископа присутствовать на обыкновенных епископских соборах, собираемых каким-то маленьким провинциальным ираклийским митрополитом. Потому что остается еще в его подчинении, потому что Вселенский Собор еще не вывел его из этого иерархического подчинения. Даже с предоставлением его кафедре самых высоких преимуществ чести (!), константинопольский патриарх не ставит ни митрополитов, ни епископов, не судит, каноническая компетен-

ция его уже ограниченнее компетенции тех епископов-митрополитов, церковные области которых фактически объединены уже вокруг столицы, образуя столичный, им возглавляемый патриархат.

Постановления II Вселенского Собора – напомним год: 381 – легализовали естественный исторический ход образования новой формы церковного союза с центром в столице государства, в Константинополе. Вполне понятно, что Церковь должна была определить какие-то правовые полномочия иерарха, поставляемого во главе его, то есть во главе столичного Константинопольского патриархата. Не сделав этого, она должна была ожидать, что константинопольский патриарх сам попытается создать для себя какое-то правовое положение, попытается расширить свою епископскую власть, как-то ее возвысив. Как? До каких пределов? Это другой вопрос. Но сами по себе притязания на какую-то каноническую власть константинопольского патриарха на этом этапе развития патриархатов вообще и, в частности, Константинопольского патриархата представляются естественными и закономерными. Весь вопрос сводится к тому, какие именно притязания его, какие именно правовые полномочия Церковь могла принять и какие притязания не должна была и не могла принять?

Конечно, притязания его должны были проявиться в конкретных действиях. После II Вселенского Собора, поставившего, а еще лучше было бы сказать, оставившего его в таком же положении, константинопольский патриарх и начинает действовать, стараясь приобрести какую-то власть.

Главенство епископа в одном или другом церковном союзе выражается раньше всего в праве председательствовать на собираемом им же соборе. И вот, константинопольский епископ-патриарх начинает собирать соборы епископов. Но каких? Какой церковной области? Никакой! И в этом все дело, потому что церковной области у него никакой нет, кроме маленькой епископии бывшего маленького городка Византия, ставшего, однако, столицей – Константинополем. Поэтому он приглашает к себе в дом приезжающих в столицу по личным своим делам епископов из самых разных мест государства, епископов, так сказать, «отсутствующих» из своих епархий. Из гостящих в его доме таких «отсутствующих» епископов он и образует первые соборы, поэтому и получившие на долгое время задержавшееся название «домашних соборов» или соборов «отсутствующих».

Разумеется, никакой канонической правомочности иметь они не могли. Но у константинопольского патриарха образовалось епископское окружение, на которое он мог опереться в начавшейся борьбе за приобретение первых своих прав. Процесс возникновения Константинопольского патриархата и возникновения канонической юрисдикции патриаршей власти, процесс ее легализации, продолжался около ста лет, с середины IV века до середины V.

Правовое положение константинопольского патриарха определил, наконец, IV Вселенский Собор, так называемый Халкидонский, в 451 году. Какую же по объему власть получил константинопольский патриарх от этого Собора? И получил ли он какую-нибудь власть после этого Собора, были ли расширены правовые его полномочия позже, кем и как? Вот какие вопросы, а вернее ответ вот на какие вопросы устанавливает положение константинопольского патриарха.

Следует сказать вперед, что, кроме полученных на IV-м Вселенском Соборе (Халкидонском) прав, константинопольский патриарх никогда и ничего от Церкви не получал. Церковное законодательство, законодательство Вселенских и Поместных Соборов никогда не расширяло ни одним правилом канонически-правовую компетенцию власти константинопольского патриарха, определив ее совершенно точно на IV Вселенском Соборе. Поэтому постановления этого Собора и имеют такое исключительное значение во всех тех случаях, когда дело идет или как-нибудь касается правомочий константинопольского патриарха. И тех или иных его притязаний, связанных с его каноническим положением.

Компетенция константинопольского патриарха, по определению IV Вселенского Собора, в сущности тождественна компетенции митрополитов в отношении их епископов. Только тут она распространяется на митрополитов. Митрополит собирает соборы епископов на территории гражданской провинции. Константинопольский митрополит собирает, по данному Халкидонским Собором праву, соборы митрополитов на территории трех гражданских диоцезов: Понтийского (с довольно неопределенными границами), Ассийского и Фракийского. Митрополиты митрополий, расположенных на территории этих трех диоцезов, съезжаются теперь на соборы, по праву созываемые константинопольским патриархом. Он же и поставляет их. Он их судит. Так как в пределах этих трех гражданских диоцезов проживают в большом числе «варвары», то есть не христиане и иноплеменники (об этом см. у Троицкого в ЖМП за 1947 г., N 11, с. 38 и дальше), то константинопольскому же патриарху дается право и для них поставлять епископов, а затем, следовательно, и митрополитов. Но только для иноплеменников в «имперских областях» – точно указывается правилом. Вот и все пресловутое 28-е правило IV Вселенского Собора.

Важно отметить, что ни митрополиты, ни епископы внутри своих митрополий и епископий, входящих в состав Константинопольского патриархата, ничего в своих прежних правах не утрачивают. Митрополиты продолжают ставить и продолжают судить своих епископов. Митрополия сохраняет всю свою автономию. Но автокефалию теперь образует уже не она, а патриархат. Совершенно так, как раньше епископия перестала быть автокефальной: епископ продолжал распоряжаться в епископии, епископия осталась автономной, но сам епископ попал в зависимость от митрополита; так сейчас митрополия продолжает оставаться автономной, но глава ее – митрополит – оказывается в зависимости от патриарха, который и ставит его, и судит, то есть она перестает быть автокефальной. Теперь в отношении митрополитов патриарх получает власть митрополитов в отношении к епископам.

Правда, кроме 28-го правила, таким образом определяющего компетенцию константинопольского патриарха, в Халкидоне были приняты постановления и еще об одном особом праве константинопольского патриарха. Правила 9 и 17 предоставляют ему апелляционное право: епископы митрополий, разумеется, входящих в пределы Константинопольского патриархата, спорящие между собой или со своими митрополитами, могут, по этим правилам, обращаться к диоцезальным церковным властям, к архиепископам и экзархам, или прямо к константинопольскому патриарху. Поскольку, как уже говорилось, диоцезальная промежуточная форма церковных союзов не развилась и была поглощена патриархатами (префектурной формой), фактическим обладателем апелляционного права оказался константинопольский патриарх.

Так, к середине V века Церковь канонически легализовала правовые полномочия константинопольского патриарха. И на этом завершился – навсегда – процесс образования и развития их. Закономерность притязаний константинопольского патриарха на власть в каком-то объеме Церковь признала. Объем ее, в конце концов, определила, правовое положение установила. С середины V века, то есть со времени Халкидонского Собора, в каноническом сознании Церкви это правовое положение константинопольского патриарха утвердилось, оформившись в совершенно определенных полномочиях в территориальных пределах новой формы церковного союза: патриархата (в данном случае – Константинопольского патриархата). И надо сказать, что каноническое устройство новой формы церковного союза было принято общецерковным каноническим сознанием, потому что оно в общих чертах своей конструкции полностью соответствовало догматическому учению о существе Церкви.

Но не успели, как говорится, чернила засохнуть на постановлениях Халкидонского Собора, как константинопольский патриарх начинает действовать с совершенно явной тенденцией к дальнейшему возвышению и распространению своей власти. При этом для канонического обоснования образа действий на самый разный лад, и вкривь, и вкось, Константинополем перетолковываются правила того же Халкидонского Собора. Тенденциозному перетолковыванию подвергаются правила 9 и 17 об апелляционном праве.

В них содержится альтернатива – напомним – открывающая епископам и митрополитам путь к архиепископам и экзархам патриархата или к патриарху «царствующего града» в их спорных между собой делах. Эти правила Константинополь и начинает перетолковывать в смысле особой, только ему данной прерогативы апелляционной инстанции по делам других патриархатов. И в упорном стремлении возвысить себя над другими патриархами, константинопольский патриарх добивается получить и получает – но не от Церкви – эту прерогативу. Ее предоставляет константинопольскому патриарху гражданская власть – новеллой Юстиниана (в 530 году).

Именно в это время, то есть с VI века, чиновники патриаршей и гражданских канцелярий, угождая влиятельному епископу столицы, – пишет профессор Троицкий на основании уже вполне установленных данных (см. его очень серьезную статью в № 12 ЖМП за 1947 г.), – начинают называть константинопольского патриарха «вселенским». Что это, однако, значит?

Теперь этот титул мы понимаем в одном смысле: всемирный, всеобщий. В то время, когда его стали употреблять в применении к константинопольскому патриарху, он означал другое. Прилагательное «вселенский», по-гречески «икуменикос», происходит от существительного «икумени», которое означало Римскую, а потом Византийскую империю, а не только мир, вселенную. Это установлено в специальной литературе твердо и совершенно точно. Претенциозное значение «всемирный» или «всеобщий» этот титул получил позднее через латинский перевод «универсалис». Иначе говоря, титул «вселенский» означал «всеимперский».

Мне кажется чрезвычайно важным отметить (не знаю, почему этого не делает тот же профессор Троицкий), что как раз в то время, когда выходит в свет новелла Юстиниана, предоставляющая константинопольскому патриарху прерогативу апелляционного права по делам других патриархатов, константинопольского патриарха начинают титуловать вселенским (= всеимперским). Конечно, не случайно этот титул – всеимпер-

ский – появляется как раз тогда, когда и император решает возвысить константинопольского патриарха над всеми епископами Восточной Империи. Титулование константинопольского патриарха вселенским или всеимперским должно быть понято в свете этих фактов как попытка создать новую форму церковного союза, состоящего из нескольких патриархатов, и новый вид церковной высшей власти, соответственный образывавшейся как раз в это же время форме центральной имперской государственной власти. И, конечно, весьма важно то, что эта попытка делалась константинопольским патриархом вместе с императором, так как поддержка императора могла иметь решающее значение в этом предприятии.

По пути образования новой формы церковного союза и нового вида высшей в нем власти, власти монархической, уже пошла в это время Римская церковь. По тому же пути, при поддержке государственной власти (оставим в стороне вопрос о причинах заинтересованности в этом государственной власти, оставим в стороне вопрос, уже тоже достаточно выясненный, о политических ее расчетах, связанных с возвышением власти константинопольского патриарха), намерен идти теперь и константинопольский патриарх. Вот почему сейчас же после Халкидонского Собора, а особенно после получения от императора прерогативы апелляционного права по делам других патриархатов, константинопольский патриарх совершенно бесцеремонно вмешивается во внутренние дела других патриархатов, особенно в дела сильнейшего в то время Александрийского патриархата. Патриархаты сопротивляются всеми силами. Возвышению константинопольского патриарха препятствуют как только могут. Тем не менее значение Константинопольской кафедры растет. И в VI, и в VII веках еще совсем недавно невидный суффраган ираклийского митрополита уже представляет собой могущественного первоиерарха Востока.

Но возникновение его основано целиком на политическом значении Константинополя. Обширная литература о Константинопольской церкви свидетельствует, что, кроме этого значения своего престольного города, константинопольский патриарх никогда ничего не мог представить в обоснование своих притязаний. И так как эти притязания, если бы они превратились в права, не только не соответствовали сути догматического учения о Церкви, не только не выразили бы его, но и прямо противоречили ему, Церковь никогда не легализовала их и даже решительно отвергла, несмотря на сильнейшую поддержку – чтобы не сказать больше – притязаний этих со стороны гражданской власти. Она никогда не легализовала и титула «вселенский» даже в первоначальном его значении «всеимперский». Как хорошо известно, за ним стоит традиция – и только традиция; но нет ни одного канонического постановления, усваивающего его константинопольскому патриарху. А как образовалась традиционная почва – из сказанного видно ясно.

Канонические определения IV Вселенского Собора в Халкидоне, определяющие правовое положение константинопольского патриарха, были приняты Церковью, они получили в этом смысле универсальное значение. Далекое не все определения даже Вселенских Соборов получают всеобщее в Церкви признание и в этом смысле универсальное значение. Далекое не все усваивается жизненным церковным опытом, верно, что в Церкви существует «рецепция», то есть приятие или неприятие и не только целых соборов, но и отдельных соборных постановлений, во всяком случае канонических. Канонические постановления IV Вселенского Собора, определяющие каноническую юрисдикцию и правомочность константинопольского патриарха, Церковь рецепировала, то есть полностью приняла, расширения же их никогда не допустила ни на йоту, решительно противясь тенденции и стремлениям к такому расширению. Между тем эти тенденции оказались очень характерными для всей дальнейшей истории Константинопольского патриархата.

Борьбу за расширение и дальнейшее возвышение своей власти константинопольский патриарх начал с присвоения не Церковью предоставленной ему привилегии апелляционного права по не-константинопольским делам и с присвоения опять-таки канонически, не Церковью предоставленного ему титула «вселенский» (= всеимперский). Эта борьба имела целью привилегии чести константинопольского патриарха как столичного превратить в единоличную монархическую власть одного сверх-епископа над всеми прочими епископами Восточной Империи. Борьбу константинопольские патриархи вели чрезвычайно упорно и настойчиво, высшая государственная власть очень часто была заинтересована в возвышении константинопольских патриархов, поэтому имеется немало исторических как бы прецедентов, будто бы свидетельствующих об успехах их в этой борьбе. На них обычно и ссылаются защитники восточного папизма, стремящиеся дублировать римское папство на Востоке. Так поступили и авторы статей в официальных церковных греческих журналах в недавно завязавшейся было горячей полемике в связи с выступлением на страницах журнала Московской Патриархии Троицкого. Тем не менее совершенно верно то, что церковная история не есть, конечно, каноническая норма при всей связанности процесса образования и развития ее с общим историческим процессом.

Искривлений канонических норм в истории Церкви, в истории Константинопольской церкви, в частности, было очень много. В предлагаемой краткой справке заниматься ими нет нужды. Но для выяснения фактического положения константинопольского патриарха и удельного веса его в междуцерковных отношениях в православном мире и вообще во всей вселенской православной общности нужно отметить одну чрезвычайно характерную и важную черту, присущую всем этим искривлениям, в особенности же, так сказать, удавшимся, то есть таким, когда константинопольский патриарх фактически действительно оказывался выше и начальствовал за территориальными пределами своего патриархата. Константинопольский патриарх во всех искривлениях канонических норм, определяющих его правомочность, неизменно опирался на те или иные политические силы и на гражданскую, государственную власть. Это обстоятельство, собственно, и определило его положение *de facto* в конфедерации восточных автокефалий, периодически, под давлением государственной власти, подпадавших под влияние, а иногда и прямо под власть константинопольского патриарха.

Так было в эпоху «икумени» – то есть Ромейской или Византийской империи во главе с икуменическим православным царем, по теориям известных эклог и эпинагог, якобы охранявшим свободу и внешнее единство Церкви, что на самом деле способствовало осуществлению одних только политических расчетов монархов, в чисто политических целях создававших для себя положение «внешних епископов» Церкви. Однако на ту же гражданскую власть константинопольские патриархи продолжали опираться и после падения Византийской империи. И доминирующее положение на Востоке в качестве «вселенских» – всеимперских патриархов – они попытались задержать за собой и в Турецкой империи, оперевшись на в конце концов поддержавших их султанов. Султаны использовали титул патриархов в организации администрирования областей своей обширной империи, населенных христианами разных национальностей, греками и славянами главным образом.

Разумеется, при турках положение константинопольских патриархов ухудшилось. Но оно ухудшилось еще больше у других восточных патриархов. Хиреть стали все Восточные Церкви. Настала пора упадка богословского просвещения и богословского сознания на всем православном Востоке, цветение богословской мысли, цветение церковной жизни во всем ее многообразии кончалось. И дело было не в том, что население территорий Восточных патриархатов в подавляющем большинстве оказалось иноверным, христианство же подверглось гонениям и истреблению. Упадок начался раньше. Культура церковная оторвалась от культуры общей или «светской» до падения Византийской империи, постепенно переродившись в чисто клерикальное достояние, то есть в образ мысли и жизни одной только клерикальной, замкнутой в себе организации. Упадочный процесс в условиях разгрома Византии и подчинения ее туретчине лишь развился и пошел в чрезвычайно ускоренных темпах, приведя Восточные патриархаты, в том числе и Константинопольский, к самому жалкому состоянию. Это состояние в какой-то мере характеризуют, конечно, и численные данные. По статистическим сведениям тридцатых годов нашего столетия, Антиохийский патриархат насчитывает до 150 000 верующих, Александрийский – не более 110 000, Иерусалимский – около 35 000, а Константинопольский в своем диоцезе численно не превышает Антиохийский, хотя с колониями в Европе и Америке имеет, может быть, до 2–2,5 миллионов паствы.

Во время крайнего упадка Восточных Церквей возникли, однако, большие церкви: сначала Болгарская и Сербская, потом Русская, позже Румынская. Православие получило приток новых сил, новой даже биологической силы. Возродились сейчас же и претенциозные антиканонические притязания на особое правовое положение в православном мире константинопольских патриархов. При поддержке султанов, о которой речь была выше, им удалось создать доминирующее положение, однако только в отношении славян в пределах Турции. Общее же упадочное состояние православного Востока и возникшая русская государственная независимость и мощь нисколько не благоприятствовали их притязаниям в отношении Русской Церкви. Поэтому канонические преимущества первенства чести в конфедерации автокефальных Православных Церквей им и в эту эпоху не удалось превратить в преимущества власти, в преимущества правовых полномочий в отношении к другим Церквам.

В настоящее время численно Русская Церковь покрывает собой количество всех вместе взятых православных автокефалий более чем дважды, так как со всей их диаспорой их не более 40 миллионов. Еще совсем недавно Константинопольская церковь, как никакой другой Восточный патриархат, не выдерживала, разумеется, никакого сравнения с Русской Церковью ни по уровню общего богословского развития и богословских интересов, словом, общей богословской культуры, ни по уровню развития литургической традиции, ни по тем достижениям православной, в самом широком смысле этого термина, «внешней миссии», которая поставила Русскую Церковь на бесспорно первое место среди всех прочих Православных Церквей.

Это все достаточно выразительно говорит о положении, которое занимает и может занимать константинопольский патриарх в наши дни. Удельный вес Константинопольской церкви в конфедерации Поместных Православных Церквей невелик. Хотя можно отметить, что за последние 50-60 лет ей удалось устроить довольно хорошую богословскую школу (на острове Халки), которая подготавливает очень небольшое число клириков – из них потом и избирается епископат Восточных патриархатов, – получающих затем непременно и общее высшее образование в европейских университетах.

Тем не менее константинопольский патриарх остается и в наши дни обладателем притязательнейшего и так не соответствующего его положению титула «вселенский», по молчаливому согласию – как верно замечает профессор Троицкий – других Церквей. Нет ли в этом какого-нибудь недоразумения?

Нет. Разумеется, мы решительно отвергаем и решительно осуждаем всякое проявление «восточного папизма». И искривлений канонических норм, определяющих каноническую правомочность константинопольского патриарха, в действии, на практике междущерковных отношений, просто не допустим. Но мы, Русская Церковь и ряд других Поместных Церквей, не отрицаем, что создавшаяся неканоническая традиция титулования Константинопольского патриарха «вселенским» избавляет Восток от ненужных и вредных для Церкви споров и ссор из-за первенства чести, из-за тех преимуществ не власти, а именно чести, которые обеспечивают одному из патриархов первенство среди равных, весьма нужное в организации любого коллектива, «соборной» Церкви в особенности. Но и только.

К сожалению, Константинополь этого не хочет понять. К сожалению, Константинополь тщится и в нынешних условиях использовать свой титул к расширению канонической правомочности, главным образом, конечно, в междущерковных отношениях внутри православного мира и в отношениях интерконфессиональных, чрезвычайно оживившихся в последние десятилетия. Эти попытки делаются константинопольским патриархом по линии в веках выработавшейся в Константинополе практики.

Как об этом уже говорилось, антиканонические притязания константинопольского патриарха на деле основаны на поддержке одних или других политических сил. С падением монархического режима в Турции, после Первой мировой войны, константинопольский патриарх сделал ставку на оккупировавшие тогда Константинополь силы Антанты. Что касается положения его в Турции, то есть в его диоцезе, то оно в результате этой игры катастрофически ухудшилось, и он в сущности едва остался в Константинополе. Зато образовавшиеся еще в прошлом столетии связи с Антантой (во время русско-турецких войн) сильно укрепились, особенно по масонской линии. На эти связи константинопольский патриарх и попробовал опереться в притязаниях своих в этот период. Поддержку он получил. Во многом ему была оказана значительная помощь. Но не в той мере, в которой она была нужна константинопольскому патриарху. Поэтому целый ряд попыток к возвышению Константинопольской кафедры и к расширению церковно-правовых полномочий константинопольского патриарха ничем не кончился. Ни к чему не привели известные намерения созвать не больше и не меньше как VIII Вселенский Собор, как и попытка организовать, при том без Русской Церкви, предсоборные конференции (просиноды). Не удался опыт распространения своей власти на всю православную диаспору. В период между Первой и Второй мировыми войнами ни в Англии, ни в США константинопольский патриарх не добился поддержки, которая могла бы обеспечить ему успех в задуманных предприятиях, отчасти потому, что из известных политических расчетов правящие круги Англии и США не пошли на разрыв и конфликт с церковной русской белой эмиграцией, в подавляющем большинстве не ладившей с Константинополем даже в той своей немногочисленной части, которая перешла, хотя тогда еще условно, в юрисдикцию Константинопольской патриархии. Даже представительство Православия на конференциях экуменического движения оставалось за русскими, Константинополю и это не удалось.

После Второй мировой войны, то есть в самое последнее время, традиционная практика константинопольских патриархов в области попыток к расширению своих канонических полномочий нашла более сильную поддержку со стороны тех же сил. И в настоящее время все притязания патриарха и обуславливаемое ими поведение Константинопольской патриархии в междущерковных отношениях базируются, как известно, исключительно на этой поддержке, откровенно политической. Тем не менее совершенно ясно, что никакими политическими силами невозможно в Церкви из небывшего создать бывшее, совершенно невозможно раздуть церковно-правовую компетенцию константинопольского патриарха, весьма ограниченную канонами, давно и твердо рецепированными общецерковным всеправославным каноническим сознанием. Как совершенно невозможно превратить Константинополь – сейчас, впрочем, только Стамбул – с его более чем скромной во всех отношениях Церковью, давно увядшей, давно отцветшей, в живой и деятельный, могущественный центр вселенской, всемирной Православной Церкви, всемирного Православия. Попытка с негодными средствами!

Повторение евангельского чуда исцеления расслабленного, столько времени тщетно возлежащего у Силоамской купели, невозможно, во всяком случае не по силам заокеанским политическим авантюристам. Мне кажется, что сейчас это отлично понимают и сознают и в православном, и в неправославном мире, в Европе и в Америке, что и определяет удельный вес и положение константинопольского патриарха de facto в общецерковной жизни и в междуцерковных отношениях в их непосредственной связи с политической обстановкой сегодняшнего дня.

Июль 1953 года